

Речевой акт отказа в повседневной русской речи (с учетом социальных отношений говорящих)

Цуй Лили, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург),
lilicui@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170005694-2

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена описанию речевого акта отказа, реализованного с помощью непартикулярного (выступающего в роли не-частицы) слова *нет* в повседневной русской речи. Особое внимание уделяется при этом социальным отношениям говорящих. Контекстный анализ произведен на материале выборки из корпуса повседневной русской речи «Один речевой день», одного из наиболее представительных на сегодняшний день ресурсов для исследования современного русского устного дискурса. В ходе анализа из корпуса были выбраны и квалифицированы разные способы выражения речевого акта отказа, выявлены случаи категорического и некатегорического отказа — в ответ на просьбу или предложение — и прослежено влияние социальных отношений говорящих на форму такого отказа. Весь анализ строится на соотношении речевого акта говорящего и речевого акта слушающего / собеседника, рассматриваются случаи симметричных (равных) и асимметричных (неравных) социальных отношений между собеседниками. Проанализирован ряд контекстов со словом *нет* в рассматриваемой функции. Контексты извлечены из расшифровок (транскриптов) 89 макроэпизодов, записанных от 24 информантов и их коммуникантов (всего более 26 часов звучания, 257 639 словоупотреблений). Результаты такого исследования могут быть полезны не только для более полного описания речевого акта отказа, но и использованы для

преподавания русского языка как иностранного и в целом для изучения специфики речевой коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: речевой акт отказа, звуковой корпус, повседневная речь, коммуникация, социальные отношения говорящих

для цитирования: Цуй Лили. Речевой акт отказа в повседневной русской речи (с учетом социальных отношений говорящих) // Русская речь. 2019. № 5. С. 79–92. DOI: 10.31857/S013161170005694-2.

Issues of Modern Russian Language

The Refusal Speech Act in Russian Everyday Speech (Considering the Social Relations Aspect)

Cui Lili, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg), lilicui@mail.ru

ABSTRACT: The article discusses speech acts of refusal, which are realized by means of a non-particular (acting as a non-particle) word *net* in Russian oral speech. The article focuses on social relationship of the speakers. The context analysis was based on the samples from Russian everyday speech corpus “One Speaker’s Day”, which is one of the most representative sources for the study of contemporary Russian oral discourse.

As a result of the analysis we selected and qualified various ways of expressing the speech act of refusal, detected cases of categorical and noncategorical refusal to respond to a request or a suggestion and traced the impact of social relationship of the speakers to such type of refusal.

The whole analysis is based on the ratio of the speaker’s and the listener’s (interlocutor’s) speech acts. The article considers the cases of symmetrical (equal) and asymmetrical (unequal) social relationships between the interlocutors. We analyzed a number of contexts which include the word *net* acting as a non-particle. The contexts were extracted from transcripts of

89 macro-episodes, which were recorded from 24 informants and their communicators (more than 26 hours of the recording, 257 639 word-usages). The results of this study can be used not only to complete a full description of refusal speech acts, but also to teach Russian as a foreign language and to study speech communication.

KEYWORDS: refusal speech act, speech corpus, everyday speech, communication, social relationship of speakers

FOR CITATION: Cui Lili. The Refusal Speech Act in Russian Everyday Speech (Considering the Social Relations Aspect). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 5. Pp. 79–92. DOI: 10.31857/S013161170005694-2.

Дискуссия о сущности *лингвистической прагматики* показывает, что прагматика может пониматься как в широком смысле, включая социолингвистику, психолингвистику и другие области языкознания, связанные с функционированием языка в обществе, т. е. как *лингвистика речи*, так и в узком смысле — как отношение знака к человеку [Levinson 1983: 3]. Первый подход представляется наиболее интересным, и именно такое понимание прагматики принято в настоящем исследовании.

В каждом языке имеется лексика, обозначающая различные отношения между людьми, межличностные и институциональные, а также отношения между личностью и обществом. Лексические значения таких слов содержат в себе указания на характер подобных отношений, которые упрощенно можно разделить на отношения подчинения, или зависимости (асимметричные), и отношения равенства (симметричные) [Крысин 2000: 38]. В повседневной коммуникации в каждом речевом акте (РА) говорящий выбирает ту или иную социальную роль из конкретного, присущего лично ему, ролевого набора (отец, муж, сын, профессор, директор фирмы, клиент и т. д.) и в соответствии с этой ролью строит свою речь. Измерение смысла слова с позиции речевых актов дает возможность учесть факторы, относящиеся к сфере коммуникантов: характерные признаки личности, интенции, установки, межличностные отношения собеседников [Девкин 1979: 25]. Ролевое взаимодействие людей в большинстве ситуаций вербально, поэтому успех общения в значительной мере зависит от того, в достаточной ли степени владеют говорящий и слушающий формами языка, пригодными для данной ситуации [Крысин 2004: 430].

Настоящая работа посвящена описанию речевого акта отказа, реализованного с помощью непартикулярного (выступающего в роли не-частицы)

слова *нет*¹. Внимание сосредоточено на симметричности / асимметричности социальных отношений участников общения², в статье рассматривается, как эти отношения влияют на характер РА отказа — в ответ на просьбу или предложение / совет. Речевой акт отказа — это акт негативной реакции, возникающей в ответ на просьбу, требование или приказ собеседника, при котором говорящий не имеет возможности или желания выполнить требуемое действие (вербальное или невербальное) [Боргер 2004: 15]. Можно сказать, что речевой акт отказа является «иллокутивным вынуждением», под которым понимается одна из связей, одно из проявлений законов сцепления, действующих на пространстве диалога, это прагматическая необходимость, определяемая контекстом ситуации, социальными и психологическими мотивами [Баранов, Крейдлин 1992].

Источником материала для настоящего исследования послужил звуковой корпус русской повседневной речи «Один речевой день» («ОРД»), один из наиболее представительных на сегодняшний день ресурсов для исследования современного русского устного дискурса, который разрабатывается в Санкт-Петербургском государственном университете (см. о нем подробнее: [Asinovsky et al. 2009; Богданова-Бегларян и др. 2015, 2017, 2019]). Для конкретного анализа был создан небольшой пользовательский подкорпус, включающий контексты со словом *нет* в рассматриваемой функции. Контексты извлечены из расшифровок 89 макроэпизодов, записанных от 24 информантов и их коммуникантов (всего более 26 часов звучания, 257 639 словоупотреблений³).

В случае асимметричных социальных ролей наблюдается активность (доминирование) того говорящего, чей статус «выше» по какому-то параметру. По мнению Т. В. Лариной, социальные взаимоотношения между собеседниками определяются двумя основными факторами: *социальная дистанция* и *социальная власть*, отношения между коммуникантами могут варьироваться в зависимости от разной степени дистантности / интимности и симметричности / асимметричности, т. е. измеряться в параметрах «дальше — ближе», «выше — ниже». Иногда они могут характеризоваться одним параметром, когда коммуниканты либо равны по статусу, но их отношения не являются близкими, как, например пассажи-

¹ По данным анализа материалов «ОРД», слово *нет* имеет высокий, 32-й, ранг в частотном словнике, на его долю приходится 0,47 % всех словоупотреблений в корпусе (см.: [Русский язык повседневного общения... 2016]).

² О принципе симметричности / асимметричности отношений см.: [Беликов, Крысин 2001: 201–202]).

³ Под *словоупотреблением* понимается фрагмент текста «от пробела до пробела». При этом в число словоупотреблений попадают и знаки расшифровки, и невербальные элементы звукового потока, и разного рода речевые сбои и обрывы. Думается, однако, что и при таком, несколько условном, понимании термина общая картина материала оказывается вполне достоверной.

ры в транспорте, либо, наоборот, находятся в очень близких, интимных, отношениях, но не равны по статусу, например мать и дочь. Однако чаще всего их характеризуют оба параметра, которые варьируются в зависимости от ситуации, например учитель — ученик, начальник — подчиненный (см. об этом подробнее: [Ларина 2009]). Рассмотрим разные ситуации из материала исследования.

1. Симметричные социальные отношения между участниками коммуникации

Диалог — это обмен репликами, это всегда переход некой информации от одного участника к другому и наоборот. Приведем примеры микродиалогов, которые А. Н. Баранов и Г. Е. Крейдлин называют «минимальной диалогической единицей» и которые строятся путем операции замыкания отношений иллокутивного вынуждения и самовынуждения [Баранов, Крейдлин 1992: 84]. В настоящей работе определяем, что стимулирующее лицо — это говорящий, и мы имеем речевой акт говорящего (РАГ), а отвечающее лицо — собеседник, и мы имеем речевой акт слушающего / собеседника (РАС). См.⁴:

1) М1: *у тебя есть моя фотка?*

И15: *боже упаси //*

М1: *сфоткай меня //*

<...>

М2: *нет* бл *дъ

И15: *давай побыстрей //*

М1: *давай / сфоткай //*

М2: *да и чёрт с ним //*

2) М2: *купи мне //*

М1: *нет //*

М2: *на / можешь забрать //*

В примерах (1)–(2) курсанты из окружения (в рамках «речевого дня») И15 ведут свои разговоры.

В контексте (1) РА говорящего (М1) — прямая просьба (*сфоткай меня*), а РА слушающего (М2) — категоричный отказ (*нет*), с добавлением

⁴ Все примеры в статье атрибутируются с указанием номера говорящего (И1, И2...) и его коммуникантов (М1, М2... — мужчины; Ж1, Ж2... — женщины; Р1, Р2... — ребенок (дети); НМ, НЖ — неизвестные мужчина или женщина). Подробнее о специальных обозначениях в транскриптах «ОРД» см.: [Шерстинова и др. 2009; Русский язык повседневного общения... 2016: 242–243].

непечатного выражения. М1 повторяет свою просьбу (*давай / сфоткай*), которую поддерживает и И15 (*давай быстрее*).

В контексте (2) РА говорящего (М2) — это также прямая просьба (*купи мне*) (речь идет о сигаретах), а РА слушающего (М1) — снова категоричный отказ (*нет*), без всяких вариантов.

В обоих случаях говорящие (М1 и М2) нисколько не удивлены отказом. В примере (1) собеседник (М2) все же соглашается выполнить просьбу (*да и чёрт с ним*); в примере (2) говорящий спокойно меняет тему разговора: *на / можешь забрать* (по-видимому, готовую фотографию).

Отношения говорящих в обоих случаях симметричные, доминирования нет.

3) НЖ: *подать ещё стаканчик?*

И27: *да нет подожди //*

НЖ: (*э-э*) *дайте ещё //*

Пример (3) — это разговор между студентками в столовой, РАГ (НЖ) — вопрос-предложение (*подать ещё стаканчик?*), РАС (И27) — некатегоричный, мягкий отказ (*да нет подожди*), который НЖ не воспринимает как отказ, реагирует на него после небольшой паузы (*э-э*) как на согласие и просит (видимо, официанта или иного работника столовой): *дайте ещё*. Отношения говорящих, как и в предыдущих примерах, симметричные, доминирования нет.

4) И6: *ну нет / видишь / я думала / что нет молока / я поэтому чай налила / так я б кофе попила б //*

Ж1: *так вылей чай / господи боже мой!*

И6: *нет //* *ты что / ты что //*

В примере (4) преподаватель-медик И6 и ее коллега Ж1 разговаривают в ординаторской. РАГ (Ж1) — совет (*так вылей чай*), РАС (И6) — категоричный и весьма эмоциональный отказ с междометием-«объяснением»: *нет //* *ты что / ты что* (= как можно выливать чай?!). Отношения говорящих также являются симметричными, доминирования нет.

5) И64: *а вот / те похоже не прижились //* *или их выкопали / или они не прижились //* *которые однако же всегда у меня росли на могилке //* *вот это вот надо (...) выдрать //*

Ж1: (молчание)

И64: *сказала / как ты //*

Ж1: *да / будем делать(?) //*

И64: *так разве не знаем / что это такое / может подождать?*

Ж1: *нет / это... я думаю / что это (...) что-то древесного вида //*

И64: *да / мне тоже так кажется //*

Ж1: угу / *нам такого не надо* //

И64: а?

Ж1: *наверное* /

Разговор в примере (5) происходит на кладбище, между женщиной-инженером и ее подругой. РАГ (И64) — вопрос-предложение/совет (*может подождать?*), РАС (Ж1) — спокойный отказ, с попыткой его прокомментировать и в результате со сменой темы разговора: *нет / это... я думаю / что это что-то древесного вида*. Отношения говорящих симметричные, доминирования нет.

6) М1: *сейчас я дам чемо... // у меня вот / к... () длинный провод есть / я покажу и () одну секундошку // давай сначала одно / () Лёнечка сначала //*

И38: *нет / у тебя там с дамами что-то надо улаживать / улаживай //*

М1: *да **нет** ничего не надо // да не надо / они просто... /*

И38: *держи его уже ты // чего мне... чего мне на него смотреть?*

М1: *давай-ка я лучше / а вот как ты включил / одну секундошку / вот я...*

В примере (6) разговор между инженером-компьютерщиком (И38) и его знакомым (М1) происходит дома у М1, которому И38 помогает с освоением компьютерных программ. В примере можно видеть сразу два микродиалога с отказом, содержащих слово *нет*. В первом случае (а) РАГ (М1) — это просьба-предложение действовать определенным образом (*давай сначала одно*). В ответ (РАС) И38 категорично говорит *нет* и переводит разговор на другую тему. В результате появляется новый (б) РАГ (И38) — весьма настойчивый совет: *у тебя там с дамами что-то надо улаживать / улаживай*. РАС (М1) — многократный, но мягкий отказ: *да нет ничего не надо // да не надо*, который М1 попытается даже объяснить и прокомментировать (*они просто...*), но обрывает себя и возвращает разговор к компьютеру. И38 тоже не настроен продолжать тему о дамах, которая возникла спонтанно, в общении близких знакомых. Здесь мы имеем дело, скорее даже, с РА не отказа, а возражения (близкого к отказу): собеседник, произнося реплику *да нет ничего не надо // да не надо*, не столько отказывается улаживать что-то с дамами, сколько возражает, что ему вообще надо что-то с ними улаживать. Так или иначе, но отношения говорящих симметричные, явного доминирования нет.

Видно, что в примерах (1)–(2) и (6а) в ответ на РА просьбы слушатели реализуют категоричный отказ (*нет*), иногда с разного рода усилением. В примерах же (3)–(5) и (6б), в ответ на РАГ предложения или совета, следует РАС некатегоричного отказа, который слушатели пытаются смягчить комментариями или объяснениями. Очевидно, что все это характерно для неформального диалога, степень эксплицитности (выраженности)

которого снижена в рамках симметричных отношений: «чем интимнее отношения, тем менее эксплицитна речь каждого из участников, тем ярче проявляется тенденция к свертыванию высказываний» [Беликов, Крысин 2001: 202]. Отношения во всех рассмотренных случаях — симметричные: общаются однокурсники, коллеги, подруги и хорошие знакомые.

Таким образом, в рамках рассмотренной выборки контекстов⁵ симметричные социальные отношения участников разговора можно представить в виде схемы (см. рис. 1), где P_x — говорящий, P_y — слушатель / собеседник, $P_x = P_y$ — симметричные отношения говорящих.

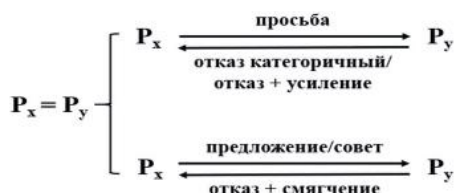

Рис. 1. Речевой акт отказа при симметричных социальных отношениях говорящих

Fig. 1. Refusal speech act in symmetrical social relationship of the speakers

Стоит также отметить, что РА отказа в ответ на просьбу и РА отказа в ответ на предложение / совет реализуются разными речевыми средствами. Слово *нет* служит универсальной формой отказа в обоих случаях, однако прочие средства, усиливающие или смягчающие отказ, различаются в этих двух различных коммуникативных ситуациях. Одним из способов смягчения отказа является, например, единица *да нет*, прочие средства отмечены выше в комментариях к примерам.

Рассмотрим далее асимметричные отношения между собеседниками.

2. Асимметричные социальные отношения между участниками диалога

Ж1: *это шампанское / вкусно?*

Ж4: *(э-э) вкусно!*

Ж1: *ещё хочешь?*

Ж4: *нет //*

Ж1: *а почему?*

Ж4: *боюсь //*

Ж1: *чего ты боишься?*

Ж4: *я что / пьяная буду //*

Ж1: *ну и что!*

⁵ Расширение материала может как подтвердить, так и опровергнуть предлагаемую схему, что не отменяет ее значимости как одного из возможных (промежуточных) вариантов интерпретации рассматриваемой ситуации. Предлагаемые наблюдения можно рассматривать также как некоторый методологический шаг на пути контекстного анализа устной речи.

В примере (7) разговор (в рамках «речевого дня» И4) происходит между близкими родственниками разного возраста: Ж1 — очень взрослая дочь, около 70 лет, и Ж4 — ее мать, около 90 лет. РАГ (Ж1) здесь — вопрос-предложение (*ещё хочешь?* [шампанского]), а РАС (Ж4) — отказ (*нет*). После отказа Ж1 не успокаивается (*почему? чего ты боишься?*), не принимает объяснения Ж4 (*боюсь; я что / пьяная буду*) и настаивает на своем предложении (*ну и что!*).

Перед нами довольно интересный пример изменения семейной иерархии. Обычно считается, что в семье ролевой статус родителей всегда выше, чем у детей. Однако в определенном возрасте человек, утрачивая экономическую и физическую самостоятельность, становясь зависимым от своих более молодых родственников, теряет свое доминирующее положение, и его ролевой статус становится ниже, чем статус его взрослых детей. В результате отношения собеседников в контексте (7) асимметричны: дочь явно доминирует в разговоре, ее статус (в частности, по возрасту) оказывается «выше».

Следующую серию микроэпизодов из «речевого дня» И4 представим в виде таблицы, демонстрирующей возможности аннотирования РА отказа в материале устного дискурса.

Таблица. Пример аннотирования речевых актов отказа
An example of speech acts annotation

Фрагмент	Код говорящего	Речевой акт	Тип РА	Комментарий к РАС
8)	И4	<i>я не поняла / да или нет?</i>	РАГ: уточняющий вопрос-предложение	
	P1	<i>нет //</i>	РАС: отказ	категоричный отказ
	И4	<i>а ещё раз про (...) Чебурашку?</i>	РАГ: вопрос-предложение	
	P1	<i>нет / тоже не хочу!</i>	РАС: отказ	двойное отрицание
9)	И4	<i>Димочка / а может быть ты хочешь поиграть в конструктор?</i>	РАГ: вопрос-предложение	
	P1	<i>нет /</i>	РАС: отказ	категоричный отказ
		<...>		
	И4	<i>а порисовать тоже не хочешь?</i>	РАГ: вопрос-предложение	
	P1	<i>а нет //</i>	РАС: отказ	категоричный отказ

Окончание таблицы

Фрагмент	Код говорящего	Речевой акт	Тип РА	Комментарий к РАС
10)	И4	<i>вот / правильно / давай вешай // купаться пойдёшь?</i>	РАГ: вопрос-предложение	
	P1	<i>нет //</i>	РАС: отказ	категоричный отказ
		<...>		
	И4	<i>какой фонтан? Димуль / слезай! <u>купаться идёшь</u> или нет? <u>если нет</u> / то отправляйся в постель / уже поздно //</i>	РАГ ¹ : вопрос-предложение РАГ ² : приказ	
	P1	<i>нет / сейчас буду...</i>	РАС: отказ + констатив, начало сообщения о том, что собирается делать	категоричный отказ, смена темы

Перед нами три фрагмента — (8)–(10) — разговоров между матерью (И4) и ребенком (P1), из которых видно, что мать многократно предлагает ребенку посмотреть мультики (1), поиграть во что-нибудь (2) и искупаться перед сном (3) (РА вопроса-предложения и даже приказа), но ребенок упорно отказывается, как правило весьма категорично, порой с двойным отрицанием (*нет не хочу*), либо уходит от разговора и меняет его тему.

Этот случай также стоит прокомментировать более подробно. Ясно, что ролевой статус матери всегда выше, чем статус маленького ребенка. И хотя мать здесь действительно уступает ребенку в разговоре (сознательно избирая подобную речевую стратегию), это не означает, что ее статус ниже статуса ребенка. Однако формально снова налицо асимметричные отношения, мать «уступает», а ребенок «доминирует» в разговоре.

- 11) Ж1: *а скажите мне... а вот когда... / вот тут идея в чём / что вот эта штука / и кровать / и / и стол / и всё из одного... материала //*
И45: *так в...*
Ж1: *тогда нужно делать и кровать / и стол / и стул //*
И45: *нет нет нет //* зачем?
Ж1: *ну а что?*
И45: *зачем? мы же п... мы с...*
Ж1: *ну тогда не стильно как-то будет / мы же...*
И45: *очень стильно получается // очень стильно получается // мы же с тобой говорили о том / что мы решаем в принципе //*

В примере (11) И45, режиссер-преподаватель, ведет профессиональный разговор с младшим (по-видимому) коллегой (Ж1). РАГ (Ж1) — совет, РАС (И45) — очень категоричный отказ с риторическим вопросом: *нет нет нет // зачем?* Ж1 пытается объясниться, но И45 стоит на своем: *зачем? мы же п... мы с...*, и на этом разговор не заканчивается. Судя по обращению на *Вы* со стороны Ж1 (*скажите мне*) и на *ты* — со стороны И45 (*мы же с тобой говорили*), говорящие находятся в асимметричных социальных отношениях, положение И45 несколько «выше». На основе теории Т. В. Лариной можно построить такую схему — см. рис. 2.

Рис. 2. Типы социальных отношений

Fig. 2. Types of social relationship

На схеме видны два основных фактора, влияющих на характер коммуникации: социальная дистанция (Д) и социальная власть (В). Иногда они характеризуются одним параметром, когда коммуниканты находятся в очень близких отношениях, но не равны по статусу [Ларина 2009], как, например, мать — дочь (фрагмент 7; А на рис. 2) или мать — ребенок (фрагменты (8)–(10) в таблице; В на рис. 2), А «ниже», чем В, потому что в примере (7) общаются две взрослые женщины, а в примерах (8)–(10) мать все же «владеет правами ребенка». Однако чаще всего коммуникацию характеризуют оба параметра, которые варьируются в зависимости от ситуации, как в примере (11) коллега — коллега (С на рис. 2): доминирует в разговоре тот, чья власть «выше».

Таким образом, асимметричные социальные отношения участников разговора можно представить в виде схемы (опять же — в рамках проанализированной выборки контекстов) (см. рис. 3), где P_x — говорящий, P_y — слушающий / собеседник, $P_x \neq P_y$ — асимметричные отношения говорящих. Здесь возможны варианты $P_x < P_y$ (статус P_x «ниже» статуса P_y) и $P_x > P_y$ (статус P_x «выше» статуса P_y ; этот вариант (серое на рисунке) в материале исследования пока не обнаружен)⁶.

⁶ Возможен, по-видимому, также вариант, когда человек, имеющий более высокий ролевой статус, в ответ на предложение / совет дает мягкий отказ. Ср., например: — *Наталья Ивановна / хотите семечек? — Нет / спасибо Катенька / я семечки не ем //*. Или, например, когда человек, имеющий более низкий ролевой статус, в ответ на предложение / совет дает категоричный отказ (или даже отказ с усилением). Такая ситуация является потенциально конфликтной, хотя не всегда выливается в дисгармоничное речевое поведение. Именно к этому типу следует отнести примеры (8)–(10) (общение матери с маленьким ребенком), где мать не конфликтует с ребенком, несмотря на его категоричный отказ и ее более высокий ролевой статус.

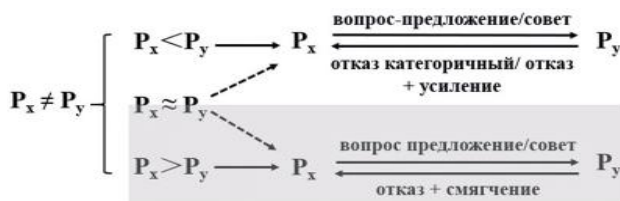

Рис. 3. Речевой акт отказа при асимметричных социальных отношениях говорящих

Fig. 3. Refusal speech act in asymmetrical social relationship of the speakers

Анализ корпусного материала (в рамках пользовательского подкорпуса) показал, таким образом, что в русской повседневной речи социальные отношения участников общения могут оказывать влияние на речевой акт отказа, реализованного с помощью слова *нет*. Русский человек, который «может действовать очень активно и эффективно, но кратковременно, не прячет истинную эмоцию за улыбкой и вежливо-сдержанной маской, как принято в западном общении. Ему свойственна непосредственная эмоциональная реакция на содержание разговора» [Прохоров, Стернин 2006: 183]. Особенности построения диалога зависят от социальной дистанции и социальной власти участников, но в устной речи люди часто меняют свою социальную роль и эти параметры варьируются в зависимости от конкретной ситуации.

Литература

- Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.
- Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика: учебник для вузов. М.: РГГУ, 2001. 439 с.
- Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357–372.
- Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социоллингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14–20.
- Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21 / гл. ред. А. М. Молдован. Отв. ред. выпуска В. А. Плунгян. М., 2019 (в печати).

- Боргер Я. В. Комплексный анализ речевых актов негативной реакции (на материале современных драматических произведений): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 21 с.
- Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика. М.: Международные отношения, 1979. 257 с.
- Крысин Л. П. Социальная маркированность языковых единиц // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 26–42.
- Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
- Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Предисловие А. Вежицкой. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.
- Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: Коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2006. 238 с.
- Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
- Шерстинова Т. Ю., Рыко А. И., Степанова С. Б. Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа речи: материалы XXXVIII Междунар. филол. конф. (16–20 марта 2009 г.). СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 66–75.
- Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication "One Speaker's Day": Creation principles and annotation // The 12th International Conference on Text, Speech and Dialogue – TSD 2009 / ed. by V. Matoušek, P. Mautner. Vol. 5729. Berlin; Heidelberg: Springer, 2009, pp. 250–257.
- Levinson S. C. Pragmatics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. 420 p.

References

- Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication "One Speaker's Day": Creation principles and annotation // The 12th International Conference on Text, Speech and Dialogue – TSD 2009. no. 5729. Berlin, Heidelberg: Springer, 2009, pp. 250–257. (In Eng.)
- Baranov A. N., Kreidlin G. E. [Illocutive coercion in the structure of the dialogue]. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 1992, no. 2, pp. 84–99. (In Russ.)
- Belikov V. I., Krysin L. P. *Sociolingvistika: uchebnik dlya vuzov* [Sociolinguistics: textbook for universities]. Moscow, RGGU Publ., 2001. 439 p.
- Bogdanova-Beglarian N. V., Asinovsky A. S., Blinova O. V., Markasova E. V., Ryko A. I., Sherstinova T. Yu. [Speech corpus of russian language: a new methodology for analyzing of oral

- speech]. *Yazyk i metod: Russkii yazyk v lingvisticheskikh issledovaniakh XXI veka* [Language and method: The Russian language in the linguistic studies of the 21st century]. Iss. 2. Krakow, 2015, pp. 357–372. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V., Sherstinova T. Yu., Blinova O. V., Martynenko G. Ya. [Corpus “One Speaker’s Day” in studies of sociolinguistic variability of russian colloquial speech]. *Trudy sed'mogo mezhdisciplinarnogo seminara “Analiz razgovornoj russkoi rechi (AR³-2017)”* [Proceedings of the 7th Interdisciplinary Seminar “Analysis of Spoken Russian Speech (AR³-2017)”]. St Petersburg, 2017, pp. 14–20. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglarian N. V., Sherstinova T. Yu., Blinova O. V., Martynenko G. Ya. [The corpus of the russian everyday communication “One Speaker’s Day”: Current state and prospects]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. [Proc. of the V. Vinogradov’s Institute of the Russian Language]. 2019, no. 21. In Print. (In Russ.)
- Borger Ya. V. *Kompleksnyi analiz rechevykh aktov negativnoi reakcii (na materiale sovremennykh dramaticheskikh proizvedenii)*. Avtoref. diss.... kand. filol. nauk [Comprehensive analysis of speech acts of negative reaction (on the material of modern dramatic works). Abstract of PhD thesis.]. Tumen’, 2004. 21 p.
- Devkin V. D. *Nemeckaya razgovornaya rech’: sintaksis i leksika* [German spoken language: syntax and vocabulary]. Moscow, 1979. 257 p.
- Krysin L. P. [Social labeling of language units]. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 2000, no. 4, pp. 26–42. (In Russ.)
- Krysin L. P. *Russkoe slovo, svojo i chuzhoe: Issledovanya po sovremennomu russkomu yazyku i sociolingvictike* [The Russian word, own and others: studies in Modern Russian and sociolinguistics]. Moscow, LRC Publ., 2004. 888 p.
- Larina T. V. *Kategoriya vezhlivosti i stil’ kommunikacii: sopostavlenie angliiskikh i russkikh lingvokul’turnykh tradicii / Predislovie A. Vezhbitskoi* [The Category of politeness and style of communication: comparison of English and Russian linguocultural traditions. Foreword A. Vezhbitskoi]. Moscow, LRC Publ., 2009, 512 p.
- Levinson S. C. *Pragmatics*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1983, 420 p.
- Prokhorov Yu. E., Sternin I. A. *Russkie: Kommunikativnoe povedenie* [Russian: communicative behavior]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2006, 238 p.
- Russkii yazyk povsednevnogo obshcheniya: osobennosti funkcionirovaniya v raznykh social’nykh gruppakh. Kollektivnaya monografiya* [Everyday Russian language in different social groups. Collective monograph]. St Petersburg, LAIKA Publ., 2016, 244 p.
- Sherstinova T. Yu., Ryko A. I., Stepanova S. B. [Annotation system in the ORD Speech Corpus]. *Trudy XXXVIII Mezhdunar. filol. konf.: Formal’nye metody analiza russkoi rechi: materialy* [Proc. Int. filol. conf.: Formal methods of analysis of Russian language]. St. Petersburg, 2009, pp. 66–75. (In Russ.)